

18+

ТАЛИЯ ТЕРЕХОВА

Ольхонская планида, или Вечность в стакане

Талия Терехова

**Ольхонская планида,
или Вечность в стакане**

«Издательские решения»

Терехова Т.

Ольхонская планида, или Вечность в стакане / Т. Терехова —
«Издательские решения»,

Эта книга — художественное погружение в пространство острова Ольхон, запечатлённое через судьбу и творчество известного Иркутского автора-исполнителя Рената Баязитова.

Содержание

Пролог. Геометрия Острова	6
Глава 1. Плотность обыденного	7
ПЕСНЯ О ВОЙНЕ	8
Глава 2. Горластый	9
ПРИГЛАШЕНИЕ НА БАЙКАЛ	11
Глава 3. Карман с секретом	14
ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЕТО!	15
Глава 4. Одержимый	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ольхонская планида, или Вечность в стакане

Талия Терехова

© Талия Терехова, 2026

ISBN 978-5-0070-2501-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга — манифест нового времени. Она создана в соавторстве с искусственным интеллектом, чтобы показать: технологии усиливают человеческую душу, а не заменяют её.

*Благодарю моих любимых сыновей,
Ивана и Святослава.
Без вашей любви и поддержки
эта книга никогда бы не увидела свет.*

В книге использованы песни Рената Баязитова.

Пролог. Геометрия Острова

*Не бойся обыденности.
В ней живёт Бог.*

Хужир — это не просто точка на карте. Это воронка. Мистический эпицентр, где время схлопывается, оставляя человека один на один с вертикалью мироздания.

Родиться здесь — значит пройти инициацию еще в утробе матери. У тех, кто пришел в мир на этом берегу, вместо крови ледяная байкальская вода, а вместо костей слоистый, выжженный ветрами скальник. Ольхон не прощает суеты, он требует соответствия своему масштабу.

Остров не смотрит *на* человека, он смотрит *сквозь* него, вымывая всё лишнее, пока не останется голый остов. Та самая Вертикаль, на которую позже нанизываются годы, смыслы и аккорды. Здесь невозможно быть «немного» или «наполовину». Человек, либо, становится частью этого камня и этого величия, либо, пространство вытесняет его, как чужеродный элемент.

Глава 1. Плотность обыденного

В Хужире 70-х время не шло, оно наслаивалось. Оно ложилось на берег тяжелыми, прозрачными пластами Байкальского льда, в которых застывали пузырьки воздуха, щепки и вечность.

Его жизнь не знала множества событий. Она знала ритм. Его юность не была набором историй. Она была состоянием.

Состоянием внутри вызывающей, густой, тягучей обыденности. Той самой, в которой нет спецэффектов, зато есть осязаемая тишина. Когда ты часами можешь смотреть, как косой луч солнца препарирует пыльную взвесь над некрашеной половицей. Когда ты видишь, как дрожит озерная вода в оцинкованном ведре, принесенном с проруби: мелкая, холодная рябь, в которой тонет твоё отражение.

В Хужире было некуда бежать от самого себя. Пространство здесь слишком огромное, а небо слишком низкое. И вся окружающая обыденность не развлекает, она прижимает к земле, заставляя, либо, врасти в неё и обрести силу, либо, сломаться.

Но именно здесь, в зазоре между ударом топора и треском льда, рождалась его Вертикаль. Когда тебе нечем заглушить свой внутренний Гул, ты начинаешь его транслировать. Ты начинаешь видеть святость в коряге, обглоданной штормом, в выворачивающем душу закате и в запахе старых сетей. Ты обнаруживаешь Бога не в алтарях, а в безупречности этого пустого горизонта.

У него не было выбора. Обыденность была слишком плотной, чтобы просто молчать. Чтобы не сойти с ума от этой прозрачности, нужно было заземлить свой внутренний Гул.

И он начал петь. Так, как дышал. Так, как ломался лёд под ногами — честно, страшно и до самого дна.

ПЕСНЯ О ВОЙНЕ

*Ты помнишь, братан, этот бой,
В горах, что полуденным солнцем согреты?
«Дрались словно львы!» —
Про меня так с тобой
Напишут, наверно, в газетах.
Короткая схватка быстра.
С плеча автомат бы успеть только сдёрнуть!
Забыл ты тогда даже собственный страх.
Очнулся, а я уже мёртвый.*

*Над нами без нас зацветут города.
Без нас к вам придёт долгожданное лето.
И нашим невестам найдутся мужья,
Но мы не виним их за это.*

*И лишь полуночной порой
Когда тёплый дождь по асфальту заскачет,
Приснюсь я мамане, как прежде, живой,
И мать, как проснётся, так сразу заплачет....
Заплачет, зашепчет: «Сынок....»
Ах, мама, не плачь ты, не надо!
Я понял, что сердца ранимая плоть
Сильнее свинцового града.*

*Мы живы,
Но только в далёкой дали
Не верь ты письму
И соседям не верь ты!
Я жить может начал
И жизнь полюбил,
Сильнее, чем прежде,
Но только, увы, после смерти.*

*Без нас будут травы цвести,
Без нас будут счастье и беды.
А мы похоронены в жаркой пыли
В ногах ветер сушит простые букеты.*

Глава 2. Горластый

Старики говорили, что на Ольхоне нельзя кричать и тревожить землю. В давние времена даже колесо телеги обматывали кожей, чтобы не ранить Остров. В наши дни уже никто об этом не вспоминает, и легковушки здесь носятся наперегонки с тяжеловесами во всех направлениях. Но вечерами, когда шум затихает, Ольхон погружается в свою первобытную тишину, и даже в самом Хужире слышны только дыхание Моря и крики чаек.

Местные рассказывают легенду о верности, которая оказалась сильнее самой смерти. Эта легенда про прекрасную девушку, которая так долго ждала своего любимого рыбака на берегу, что выплакала все глаза. Тогда она взмолилась к духам Острова дать ей крылья, чтобы полететь над волнами и найти своего любимого. Духи сделали её чайкой, но с одним условием — она больше никогда не сможет вернуть себе человеческий облик. С тех пор эти птицы кружат над водой, и в их пронзительных криках нет больше слов, только вечная тоска о любви, которая не захотела сдаться.

Именно из таких преданий, проросших сквозь судьбы людей на суровом ветру, и соткана вся жизнь Острова.

Он родился в самом сердце этой тишины. И первый крик был не просьбой о помощи, а попыткой заявить права на этот горизонт. Когда за спиной скалы, а впереди бесконечность, голос обретает плотность и обволакивающую тяжесть глубокой воды.

Его первое воспоминание пахнет хлоркой и обжигает кожу холодом. Это были медицинские весы. Огромный, бездушный кусок крашеного железа в районной поликлинике. Мать развернула фланелевые пеленки и положила младенца, голенького и беззащитного, на эту ледяную чашу.

Мир встретил его холодом, и он ответил единственным доступным оружием — он заорал. Этот крик был таким плотным и яростным, что старая чаша весов, казалось, завибрировала под его лопатками.

Старенькая докторша, поправляя очки в роговой оправе, усмехнулась:

— Ишь, какой горластый! — она повернулась к матери и добавила с долей пророчества: — Ему бы не в пелёнках орать, а на сцене петь. Прямо Муслим Магомаев*.

Железная чаша под младенцем качнулась, фиксируя его первый вес в этом мире. Вес человека, который пришел сюда, чтобы его услышали.

**Муслим Магомаев — кумир 60-х, золотой баритон СССР. Существует легенда, что он мог разбить своим голосом гранёный стакан вдребезги.*

ПРИГЛАШЕНИЕ НА БАЙКАЛ

*Обращаюсь с приглашением,
Зов от сердца и души.
Приезжайте к нам на Остров,
На песчаные пляжи!
Загореть, ей-Богу, можно,
Будешь словно негритос,
Запасай сметану,
Чтобы мазать нос.
Что ещё там?
Отвечаю на вопрос.*

*Первобытная природа,
Ветерок теплом согрет.
Вечерами бродят пары,
Дым болгарских сигарет.
Только на Байкале летом
Будешь жить, как некий хан.
Приезжайте, в общем,
К нам на Мандархан.
Будешь знать,
Чем пахнет местная уха.*

*Лето.... Ну что за вопрос!
Здесь я родился и рос.
Лето..... Куркутский залив...
Только всем этим и жив.*

*Здесь вас встретит
Море солнца,
С похмелюги рыбаки.
Омуть — штука за полтинник.
Кому спирт, кому рубли.
Вам такое не приснится
Ни во сне, ни на яву.
На гитаре вам сыграю и спою
Про пацанку и Фамильную свою.
Здесь легенды как баллады,
Верь не верь, поймёшь потом
И про дикую бригаду,
Что плевала на закон,
И про то, как братья Куры
Жили здесь как короли.*

*Ничего поделаться с ними не могли
Ни шторма, ни коммунисты, ни враги.*

*Лето.... Ну что за вопрос!
Здесь я родился и рос.
Лето..... Куркутский залив...
Только всем этим и жив.*

*А людишки рвутся в Гагры,
Едут в Сочи, едут в Крым,
Чтоб вернуть себе здоровье,
Чтоб остаться молодым.
С ними спорить я не стану,
Я стоял, стою на том:
Лишь на Малом море отдохнём путём,
Нет у баб — так щас вот сбрызнем и найдём.*

*Что вам юг? Одна зараза!
В день квартира — четвертак!
Маломорская турбаза
Ждёт тебя, коль не дурак!
Пусть коттеджи звать в кавычках
И похожи на барак,
Зато танцы ставит здесь запросто так
Полупьяный Челентано для бродяг.*

*Лето.... Ну что за вопрос!
Здесь я родился и рос.
Лето..... Куркутский залив...
Только всем этим и жив.*

Наведите камеру телефона и слушайте:

Глава 3. Карман с секретом

В мире за пределами дома хозяйничали всевозможные запахи и чужие правила. Детский сад в Хужире был, но его туда не водили, он рос самостоятельно. Пока мама была на работе, за ним присматривали бабка и дед.

У него был свой способ сохранять Вертикаль.

В кармане коротких шорт он прятал настоящее сокровище — кусок тугого, соленого сала. Это был его личный неприкосновенный запас. Его связь с домом, с мамой, его тайная энергия. Когда становилось слишком холодно или слишком непонятно, он незаметно доставал его.

Он долго мусолил во рту этот кусочек, чувствуя, как жир дает такое необходимое тепло. А потом, когда вкус почти исчезал, он бережно помещал своё сокровище обратно в карман. Крошки ниток и пыль облепляли сало со всех сторон, но это не имело никакого значения.

Пока в темноте кармана лежал этот обслюнявленный кусочек, он был сам себе хозяин, и чувствовал себя уверенно настолько, насколько это может быть доступно четырёхлетнему пацану.

Позже, когда в его руках появится гитара, он будет так же бережно и скрытно вынашивать каждую ноту, каждое слово, каждый смысл. Он научится прятать самое ценное внутри себя, чтобы выдавать его миру только тогда, когда оно окончательно созреет. Весь его будущий голос — это эхо того самого соленого тепла из кармана детских шортиков.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЕТО!

*Опять в моём краю
Прошла старуха-осень.
Подарок к ноябрю —
Букет листвы и проседь
Первых свежих дней морозных,
Оттепели слёзы,
Ночь, простуженные звёзды
И остывший воздух.*

*Здравствуйте, Лето!
Время победы света.
Нитями солнца
Ваши сарафан прошит.
Здравствуйте, Лето!
Время победы света.
Здравствуйте, Лето!
Дама моей души.*

*А я в своей душе
Храню речной трамвайчик,
И прячу от людей,
Что я влюблён, как мальчик.
Да, влюблён, и пусть! И значит,
Мы с тобой удачу
Не упустим, озадачим,
Всех вас одурачим.*

*Здравствуйте, Лето!
Время победы света.
Нитями солнца
Ваши сарафан прошит.
Здравствуйте, Лето!
Время победы света.
Здравствуйте, Лето!
Дама моей души.*

*Эта песенка моя,
Что захочешь, делай,
Пусть звучит пока
Земля укрыта белым-
Белым снегом, словно мелом,*

*Искренне и смело
Песней землю, словно телом
Отогреть сумеем.*

*Здравствуйте, Лето!
Время победы света.
Нитями солнца
Ваши сарафан прошит.
Здравствуйте, Лето!
Время победы света.
Здравствуйте, Лето!
Дама моей души.*

Наведите камеру телефона и слушайте:

Глава 4. Одержимый

В то лето Остров полыхнул фиолетовым цветом. Степь затянуло дурманящим ковром чабреца, и этот сухой, горячий, чуть горьковатый дух накрыл весь Хужир. Среди пыльных улиц посёлка для свободного и мечтательного пацана возник новый центр мира. Ему было 6, ей 16. Десятиклассница-бурятка, красивая как сама Ангара, смуглая и гибкая, с волосами до колен, стала для него живым магнитом. Он не просто ходил за ней, он примагничивался, буквально вбуравливаясь в её тень, словно само его дыхание теперь зависело от этого невидимого прикосновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.